

Вячеслав Сукhareв

РАННИЕ ЖУРАВЛИ

6+

Вячеслав Сукачев

Ранние журавли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сукачев В. В.

Ранние журавли / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07987-8

Детская повесть в рассказах - довольно редкое явление в современной литературе. Действие повести разворачивается на протяжении шести лет, прослеживая судьбу героя с шести и до двенадцати лет. Это очень типичное для русской литературы произведение о становлении человеческого характера, опирающееся на толстовско-аксаковскую традицию описания детских лет. Повесть написана, что называется, на едином дыхании и представляет собою не просто ряд житейских эпизодов, а исповедь человеческой судьбы, определившей жизненный путь маленького героя однажды и навсегда.

ISBN 978-5-532-07987-8

© Сукачев В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая. Карысь	5
Куда ведет вон та дорога...	5
1	5
2	7
3	8
4	9
Хорошо возвращаться домой	11
1	11
2	12
3	14
4	15
Сандалии	17
1	17
2	19
3	20
4	21
Сказка	22
1	22
2	24
3	25
4	26
Чалка	28
1	28
2	30
3	31
4	32
Большие серебристые рыбы	33
1	33
2	34
3	36
4	38
Перстень	39
1	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть первая. Карысь

Куда ведет вон та дорога...

1

- А Витька за карысями поехал.
- Знаю.
- Зна-авало.
- Ты говорить правильно научись.

Два мальчугана сидят на перевернутой лодке, и солнце ослепительно светит для них. Один, тот, что постарше, в старенькой линялой рубашонке и вельветовых штанишках. Он небрежно болтает в воздухе босыми ногами и смотрит туда, где уже ничего не видно, а лишь вода огромной реки сливается с небом.

Второй, Карысь, мальчуган лет шести, одет в хороший синий костюмчик, на его ногах желтые сандалии. Он тоже смотрит вдаль, но ему скучно и неинтересно просто сидеть, просто смотреть. И потом, сандалии так жмут, новый костюм сковывает, солнце печет, а Витька уехал за карасями.

- Я могу лодку у деда Плехеева попросить.
- Ну и проси.
- Думаешь, не даст? – Карысь косится на товарища, а потом прыгает на одной ноге, задрвав вверх другую.
- Че, муха укусила?
- Не-е... Песок насыпался.
- Такними.
- Нельзя. Ноги будут длинными.

Карысь медленно бредет к воде и выкапывает в песке лунку. Затем пальцем проводит борозду, и мутноватая вода медленно вползает в углубление. Он заваливает лунку песком и, подумав немного, крепко притоптывает бугорок. Вода разлетается во все стороны и попадает на сандалии.

Карысь внимательно смотрит, как медленно скатываются капли, оставляя темные бороздки, и тоскливо говорит:

- Ва-ась, пойдём куда-нибудь...
- А куда? – спрашивает Васька и хмурится, усиленно соображая, куда бы это можно пойти. Но он, очевидно, так ничего и не придумал, потому что спрыгнул с лодки и растянулся на песке, подставив солнцу коричневые пятки.

И тогда Карысь, тщательно маскируя свою заинтересованность, почти одними губами шепчет:

- Давай на Гнилую Протоку? – Он замирает в ожидании и испуганно смотрит на светлую макушку товарища. Но Васька не шевелится, не отвечает, и Карысь боится, что сейчас он скажет «нет». – Ва-ась, я бы тебе камушки отдал. Пошли?
- Нужны мне твои камушки, – лениво отвечает Васька. – Только тебе мать порки задаст.
- Не задаст. Она сегодня в райцентр поехала.
- А вдруг медведь? – Васька садится на песке, испытующе смотрит на Карыся и зловеще спрашивает: – Не испугаешься?

– Не-е, – не совсем уверенно отвечает Карысь, и его тихо наполняет предчувствие чего-то неизведанного, тайного, почти недоступного. Только ему и Ваське суждено увидеть то, что скрывается за лесом, почти у самых гор.

Осторожно, краями, они выбирают за село и лишь здесь решаются выйти на дорогу. Карысь, для верности, еще раз оглядывается на деревню, а затем быстро снимает сандалии и весело догоняет Ваську.

– Подверни штаны, – советует Васька, – заплятыся.

2

А мир, оказывается, большой. Если сидеть на лодке и смотреть на лес, то он кажется совсем близко. А вот если идти к нему, то он все время отодвигается к горам и конца этому не видно. Но зато ноги утопают в горячей пыли, и можно представить, что ты идешь по огромной пустыне, где солнце никогда не прячется за сопками. А еще лучше представлять, что это совсем чужая земля, где нет магазинов, и даже леспромхозовской конторы нет. Зато здесь на каждом шагу лодки с моторами и можно брать любую, никто не заругается, и ехать куда хочешь.

– Ва-ась, – зовет Карысь, – а ты живого медведя видел?

– Отвяжись! – Васька сумрачно насуплен и даже не смотрит на Карыся, быстро шагая впереди.

Карысь подкатывает распутившуюся штанину и бегом догоняет друга. Некоторое время они шагают молча.

– А я видел, – говорит Карысь.

– Ври, – Васька слегка поворачивает голову и подозрительно смотрит на Карыся.

– Да. В городе видел. В зоопарке. Он по клетке ходит.

– Че ему ходить? Лежал бы.

– Я не знаю... у него глаза маленькие.

– А он сильно большой?

– Бо-ольшой, – уважительно говорит Карысь, – под самую крышу.

– Какую крышу?

– Ну, в клетке. Там клетка из прутьиков, чтобы на медведя смотреть можно было и колбасу бросать, если не жалко.

– Ты что ли бросал?

– Не-еа, у меня колбасы не было.

– А сам поди лопал?

В это время они вошли в лес. Дорога с трудом протиснулась между первыми елями и пошла петлять, бросаясь в сторону от каждого пня и валежины. Мягким бугорком лежал вдоль дороги зеленый, с проседью, мох, простроченный частыми кустиками морошки. Сыростью и вековым покоем пахло на мальчишек из тайги, они враз притихли и незаметно для себя прибавили шаг.

Солнце все еще стояло высоко, но уже не казалось жарким. Скрылись из вида далекие сопки и родное село, в неведомые дали убегала дорога, сквозь которую тут и там проступали толстые витые корневища. Какие-то большие птицы со свистом пролетали мимо них, несколько раз прокуковала кукушка, а потом издали долго слышался однообразный и звонкий стук дятла по дереву.

– А если весь день идти и идти, то лес кончится? – тихо спрашивает Карысь.

– Жди, – уверенно отвечает Васька, – его самолетом и то за день не пролетишь.

Ваське уже сравнялось семь лет, и он этой осенью пойдет в школу. Васька растет без отца и потому привык к некоторой самостоятельности суждений и поступков. К женщинам он относится снисходительно, но мать свою очень любит. Васька мечтает вырасти большим и ездить на лесовозе, но об этом он пока что никому не говорит.

У Карыся есть отец, мать и сестра. Но он мечтает, чтобы еще была и лодка. С лодкой у Карыся связаны самые заветные мечты: он хочет посмотреть, где кончается вода. Взрослые об этом не знают или не хотят говорить, но когда-нибудь Карысь сам расскажет им об этом.

3

– Тихо! – прошептал Васька и замер на дороге. – Ты слышишь?

Карысь повертел головой и даже присел на корточки, но ничего не услышал.

– Нет, – тоже шепотом, округляя глаза, ответил он. – А что?

– Там кто-то есть, – кивком головы указывая вперед, сказал Васька. – Слышишь, тарактит?

Теперь и Карысь услышал неясный шум, причину которого понять было трудно.

– Давай в тайге спрячемся! – встревожено предлагает Карысь.

– Не-а, – качает головой Васька, – там ему легче к нам подкрасться.

– Кому? – теперь уже совершенно испуганно спрашивает Карысь и озирается по сторонам.

Ответить Васька не успел, потому как враз стало ясно – по лесу едет телега. Они даже стук колес по корневищам деревьев различили, а вскоре из-за поворота, задевая лохматые ветви дугой, показалась голова лошади. И малыши разом признали в этой голове с большим белым пятном под правым глазом леспромхозовскую Стрелку.

Заметив ребяташек, Стрелка покачала головой и остановилась,

– Н-но! Встала! – сердито крикнул дед Плехеев и подергал вожжи. Но Стрелка и не думала трогаться с места. Навострив черные уши, она с любопытством смотрела на ребят.

– Тю, сдурела?! – уже действительно рассердился дед Плехеев, потянулся обломать пруттик, но тут заметил ребят...

– Вот оно что, – удивленно протянул дед и отложил вожжи в сторону. – А ну, огольцы, ступайте ближе. Живее, живее. Вы это как сюда попали?

– Мы на Гнилую Протоку идем, – упрямо нагнул круглую голову Васька. Карысь робко выглядывал из-за его спины.

– Ух ты, самостоятельный, – усмехнулся в реденькую бородку дед и вдруг строго прикрикнул: – А ну, марш в телегу, путешественники! Я вот вам дам Протоку и еще родителям все расскажу. Этак-то прошлым летом Гришка Сорокин ушел, и по сей день ходит. Ну, кому я сказал?

Первым, вытащив руки из карманов, неохотно полез в телегу Васька. Он сел в самом задке телеги и свесил ноги. Рядом с ним пристроился затихший Карысь.

– Все, что ли? Но! Поехали, – задергал вожжами дед Плехеев, – пошла, милая.

Стрелка вздохнула и мягко тронула телегу.

Дед Плехеев натолкал в телегу свежего сена, и от него пахло озером, камышами, береговой тиной. В первые минуты, удобно устроившись на этом сене, Карысь даже позабыл о том, что до Протоки они так и не дошли. Но Васька, привыкший любое дело доводить до конца, толкнул его локтем в бок и тихо прошептал:

– Сбежим?

– Дома влетит, – неуверенно ответил Карысь.

– Теперь все равно узнают.

– Будет нам, – тоскливо тянет Карысь и сует палец в нос.

– Ну, забоялся, – презрительно отвернулся Васька, – тогда я один убегу.

– Ладно, – решается Карысь, – давай лучше вместе.

– Это кто же вас на такое дело надоумил? – говорит дед Плехеев, добродушно улыбаясь, и весело смотрит на ребят. Несколько травинок запуталось в его бороде, седые волосы ежиком топорщатся на макушке. Он придавливая вожжи коленом, достает портсигар и красный закопченный мундштук. Когда дед Плехеев прикурил и, спрятав портсигар в карман, оглянулся, ребят в телеге уже не было.

4

Гнилая Протока – это маленькое озерко в тайге, почти все заросшее камышом, переплетенное длинными, гибкими корнями кувшинок. В большую воду озерко разливается на несколько сот метров, и тогда все деревенские рыболовы ездят сюда удить рыбу. А у мальчишек Гнилая Протока славится тем, что водятся здесь разные таинственные существа и по ночам светится она синими огоньками. Свидетелей чудес среди ребят можно было перечесать по пальцам, но тем большим почетом пользовались они.

Удрав от деда Плехеева, Карысь и Васька долго отсиживались в густых зарослях багульника, не отваживаясь выйти на дорогу. Но прошел час, ребята устали сидеть неподвижно и, пугливо озираясь на каждый куст, прислушиваясь к каждому шороху и звуку, осторожно выбрались на дорогу.

– Кажись, уехал, – сказал Карысь и вопросительно посмотрел на Ваську.

– А то! – решительно ответил Васька. – Уже под самое село подкатил. Пошли...

Но теперь Карысь шел уже без удовольствия. Он часто отставал и боязливо оглядывался назад. А потом сел на моховую бровку и надел сандалии.

– Ты че? – удивился Васька.

– Ноги больно, – пояснил Карысь, с усилием затягивая пряжки.

– Это от непривычки, а мне хоть бы что.

– Далеко еще, Ва-ась? – тоскливо спросил Карысь.

– Не-е, вон тот лесок пройдем, а там совсем рядом. Только ты иди тихо и не ной. Витька говорил, что надо часа два просидеть, потом он покажется.

– Кто?

– Ну, чудище. У него под землей ход есть, и он в реку плавать ходит. А в Протоке спит...

Карысь долго идет молча, а потом решительно заявляет:

– Врет он. Тогда бы его в реке в сетку поймали. – Васька не отвечает, лишь презрительно косится на Карыся. – А зимой вода замерзает, что тогда Витькино чудище делает?

– Я вот скажу Витьке, – наконец откликается Васька, – он тебе даст по шее.

Дорога поднимается на небольшой перевал. Здесь тайга пошла реже, показались огромные валуны, поросшие с севера мхом. А в одном месте ребята увидели бурундука. Он сидел на поваленной лесине и с любопытством смотрел на них.

Васька потянулся за камнем.

– Не, – решительно трясет головой Карысь, – давай поймаем.

– Так он тебе и дался.

– А вот поймаем.

Карысь широко расставил руки и маленькими шажочками потопал к зверьку. Но только он сошел с дороги, как бурундук легонько побежал по дереву, вспрыгнул на ветку пушистой елочки и лапой утер усатую мордочку. Карысь еще осторожнее двигается к нему, а бурундук уже на следующем дереве – огромной пихте с семью ветками. Засмотрелся Карысь на зверька, споткнулся о корень и растянулся на траве. А когда поднялся, бурундука уже и след простыл. Задрав голову, Карысь несколько раз обошел вокруг дерева, с удивлением постучал по нему кулаком и вернулся на дорогу.

– Что, поймал?

– Его нет, – развел руками Карысь.

– А ты думал...

Ну вот, наконец, вершина перевала. И распахнулся с нее перед ними далеко идущий простор. Карысь замер в удивлении, глядя на то, как перед ним открывается пространство. Далеко внизу блестела река, она убежала все дальше и дальше и скрывалась там, куда уже гля-

деть нельзя. За нею были маленькие сопки, они понемногу вырастали и становились такими большими, что белые тучи цеплялись за их вершины. Но самым удивительным Карысю показалось то, что по этим сопкам взбиралась, петляя и прячась в распадках, белая дорога. Он насупился и стал пристально искать ее конец. Но дорога все тянулась и тянулась, перебегая с сопки на сопку, и нигде не кончалась. Тогда Карысь стал искать конец в другом направлении. Он спустился взглядом с сопочки, перебежал лужок, обошел топкое болотце и остановился у реки. Карысь было обрадовался, хотел поделиться своей новостью с Васькой, но в это время заметил, что и с этой стороны реки дорога куда-то убегает. И он опять побежал взглядом за нею, задыхаясь от подступающего смутного восторга, еще совершенно непонятного ему. Вначале он бежал вдоль реки, потом повернул в тайгу и стал взбираться вверх. Но что это такое? Дорога прибежала Карысю под ноги и – кончилась. Карысь отступил на два шага – дорога за ним. Он засмеялся и немного пробежал, но и дорога бежала за ним. Тогда Карысь стал думать. Оказывается, он может водить дорогу за собой. Захочет – приведет ее в деревню, захочет – домой. И дорога будет бежать от самого его дома и до вон тех сопки, и даже дальше. Но куда вот дальше? Куда она убегает дальше?

– Вась, – задумчиво тянет Карысь, – а куда вон та дорога идет?

– Какая? – Васька тоже притих, и тоже смотрит далеко вперед, и видит мир, о котором раньше только смутно подозревал.

– Ну, что за речкой?

– А я знаю?

– Когда я вырасту большой, – задумчиво говорит Карысь, – я буду все знать: и про чудище, и про реку, и про дорогу.

Обо всем этом он пока что не знает, как не знает о том, что дед Плехеев сейчас стоит за их спиной и силится угадать, что за интерес такой разглядывают ребята на той стороне реки.

Хорошо возвращаться домой

1

Вечером отец сказал:

– Ну, Карысь, женщины дома останутся, а мы с тобой в лес поедем.

– В лес?– Карысь задохнулся от счастья.

– В лес,– усмехнулся отец и строго добавил:– Пусть тебя мама как следует оденет.

Карысь во всю прыть рванул в дом, но вдруг притормозил, оглянулся на отца, нахмурился и медленно, вразвалочку пошел дальше.

Мать что-то писала за столом. Он сел напротив, ожидая. Но она продолжала писать: сухо поскрипывало перо, тикали часы на стене. Карысь обязательно хотел, чтобы первой заговорила мама, обратила на него внимание, и тогда бы он солидно сказал, что собрался в лес и по этому случаю надо бы что-то пододеть, так как комара в лесу – страсть. Но перышко скрипело, часы тикали, время шло. Карысь не на шутку забеспокоился, завозился на стуле, хотел постучать ногой по полу – ноги не доставали. Наконец он не выдержал этого скрипа, этого тиканья и тронул маму за рукав:

– Ма-а...

– Что? – Перо продолжало скрипеть.

– Я в лес поехал.

– Что?! – Перо пискнуло и стихло. Мама удивленно посмотрела на него: – В какой еще лес?

– Да. С папой.

Карысь заробел и говорил чуть-чуть плаксиво, совсем не так, как собирался раньше. Он знал, что все будет зависеть от маминого решения. А как она поведет себя, никогда нельзя было угадать наперед.

– С папой? – Мама сняла очки и внимательно посмотрела на него.

Снимала очки она редко, в самые решительные минуты, и тогда Карысь видел, какие у нее большие и хорошие глаза. И были бы совсем хорошие, если бы не строгое, а то и сердитое выражение. За стеклами они казались добрее, и Карысь любил, когда мама – в очках.

Карысь насупился, аккуратно положил руки на колени и решительно сказал:

– Женщины дома останутся, а мы в лес поедем... Меня надо одеть, чтобы комары не кусали.

Мама быстро надела очки и, привстав из-за стола, толкнула створки окна. Сразу же в комнате запахло улицей, и Карысь услышал, как отец легонько понукает Серка, заводя его в оглобли.

– Виктор, – окликнула мама, – ты далеко собрался?

– На стан. – Наверное, отец улыбнулся, голос у него был приглушенный. – Надо мазь туда завезти.

– Ты хочешь взять Сережу?

– Пусть проветрится.

– Это далеко?

– Да нет: они нынче у Галкиной Ямы стоят.

– Ну хорошо. – Мама захлопнула створки и посмотрела на Карыся. – Вообще-то после твоего самостоятельного похода в лес не стоило бы тебя пускать... – Мама неожиданно улыбнулась. – Но уж раз отец просит...

2

Через десять минут тяжелый и почти плачущий Карысь вышел на улицу. Чего только не было на нем надето! Но особенно ненавистным и смешным показался Карысю башлычок у куртки, который мама нахлобучила ему на голову и не велела ни в коем случае снимать.

Серко уже был запряжен в плетёный ходок и гладил себя под бородой о столбик палисадика, а отец мазал солидолом переднюю ось. Карысь подошел и встал сбоку. Ему хотелось

помочь, но он не знал как. Тогда он присел на корточки и пододвинул жестяной лист с солидом ближе к колесу.

– Ну вот, – сказал довольный отец, – все...

Он закрутил гайку встал на жестянку с солидом. Карысь испугался и потянул жестянку на себя.

– Помогаете? – усмехнулся отец и пошел чистить ботинок. – Ты солидол пока на место отнеси, да будем трогать.

Карысь отнес и подошел к Серку. Лошадь внимательно посмотрела на него и вздохнула. С нижней толстой губы свисла у Серка светлая, в пузырьках, слюна. Карысь взял пучок сена и хотел вытереть слюну, но Серно мягко потянул к себе пучок и проглотил. Железный мундштук, что был у него во рту, не помешал. Карысь задумался и незаметно скинул башлык.

Отец разобрал вожжи, взбил сено в ходке, чтобы мягче было сидеть.

– Ну, Карысь, поехали, – сказал он и, легонько подхватив подошедшего Карыся, усадил его слева от себя. – Ты не замерзнешь? – отец улыбался, и Карысь сердито помотал головой.

До самой последней минуты Карысь надеялся, что кто-то из ребят попадетя им навстречу. Лучше всего, если Витька или Васька. Но нет, вот и последний дом тети Насти Хрущевой проехали, а никто не попался. Разбрелись, наверное, ребята по речке и тягают теперь чебаков. Карысь вздохнул.

А между тем Серко бежал по дороге, ходок подпрыгивал на ухабах, и банка с мазью перекачивалась в ногах у Карыся. Хорошо было. Снятого башлыка отец не замечал, легонько и редко дергал вожжи, на что Серко сразу же согласно кивал головой и припускал крупной рысью.

Солнце приближалось к вершинам сопок, тускнело, и уже почти можно было смотреть на него. Но лучше смотреть на дорогу. Всякие соломинки, веточки, черные камушки и редкие кустики травы проносились перед глазами, мелькал железный обод колеса, и поднимались от него легкие струйки пыли. Пахло теперь как-то совсем по-другому, не по-деревенски, и звуки были другие, и все это было так интересно, что Карысь совсем забыл про отца, свесившись из ходка и жадно разглядывая бегущую навстречу дорогу.

– Упадешь, – покосился отец. – Тряхнет хорошенько – и свалишься под колесо.

Карысь подумал и пододвинулся ближе к отцу. Он еще подумал и вдруг спросил:

– Ты маму сильно боишься?

– Бывает, – отец засмеялся. – Она же у нас строгая.

– Я сильно, – вздохнул Карысь. – А сегодня, когда я отпрашивался, она даже очки сняла.

– Это она на тебя еще сердится. Не надо было одному в лес ходить.

– Я же не один. С Васькой мы.

– И Васька твой... додумался.

Карысь завозился, заерзал, расстегнул верхнюю пуговицу курточки и признался:

– Я первый его в лес позвал.

– Ну ничего.– Отец не больно дернул его за нос и опять добродушно засмеялся: – Она скоро все забудет.

– А ты лодку купишь? – повеселел Карысь и снизу заглянул в лицо отца.

– Зимой денег накопим и купим.

– Будешь меня катать?

– Конечно. Н-но, Серко!

3

На стане их встретили дед Плехеев и старик нанаец Баян Киле. С дедом Плехеевым у Карыся отношения были сложные – он все еще сердился на него за то, что дед рассказал матери об их походе в лес. Зато старику Баяну обрадовался искренне.

– Привет, дачники, – весело поздоровался отец, спрыгивая с ходка и перебрасывая вожжи Карысю.

– Будь здоров, – откликнулся дед Плехеев, подходя и доставая из кармана портсигар с тремя богатырями.

– Здорово, Витька Федор, – важно кивнул седой головой и Баян.

– Как у вас тут дела, волки не донимают? – спросил отец, пожимая руки старикам и тут же направляясь к большому загону, в котором перед вечерней дойкой стояли коровы.

Карысь остался один в ходке. Серко потряхивал головой и прижимал то одно, то другое ухо. Карысю хотелось, чтобы Серко вдруг тронулся с места, а он бы строго прикрикнул на него и натянул вожжи. Но Серко стоял, словно его вкопали до колен в землю, и время от времени мурашки бегали по его коже. Тогда Карысь тихо, одними губами прошептал:

– Н-но.

Серко не услышал. Карысь понукал громче – теперь лошадь даже ушами не шевельнула. Тогда Карысь начал потихоньку натягивать вожжи и все громче покрикивать на Серка. И вот наконец Серко вроде бы надумал, еще не шевеля ногами, потянул ходок на себя, скрипнули оглобли, должны были повернуться колеса, но...

– Тпру-у! Язва, не стойте тебе. – Дед Плехеев был рядом и весело смотрел на Карыся. – Ну, как дела, путешественник?

Карысь с досадой отпустил вожжи и нахмурился.

– Где тут мазь, что отец привез? – спросил дед Плехеев.

Карысь, сопя от натуги, с трудом выволок из передка темно-коричневую банку с мазью. Дед Плехеев взял банку и удивленно покачал головой:

– Да ты крепкий мужик, Карысь. В ней, чай, все десять кило будет.

– Я уже и дрова сам колол, – важно сообщил Карысь.

– А мать видела? – хитро улыбнулся дед Плехеев, и Карысь тут же отвернулся, якобы поправляя сенную подушку для отца, и неприязненно подумал, что дед Плехеев самый вредный человек, каких он только знает в деревне...

Приехали доярки. Вместе с матерью прикатила и Настька Лукина. Длинная, черная как жук и в косичках. Она тут же оказалась возле ходка и деловито спросила:

– Че, задаешься?

– Отойди, – холодно предупредил Карысь.

– А то че будет?

– Задавит.

– Кто? Ваш Серко? – Настька смело подошла к лошади и небрежно погладила ее по шее.

– Я вот сам тебе сейчас надаю, – завозился в ходке до предела возмущенный Карысь.

Настька серьезно показала длинный язык, а потом пошла к матери.

Карысь уже соскучился сидеть один, и тут пришел отец с Баяном Киле. Что-то топорщилось у отца за пазухой.

– Ну, Карысь, угадай, что нам деда подарили?

– Кнут, – не задумываясь, ответил Карысь.

– Думай, – отец подмигнул старику Баяну.

– Ежика, – теперь уже не сразу и не так решительно сказал Карысь.

– На, держи сторожа, да смотри, чтобы пальцы не откусил.

На коленях у Карыся оказался маленький рыжий щенок, с тонким писком полезший ему под куртку. Карысь погладил его и счастливо засмеялся. Засмеялись и отец с Баяном.

– Злой будет, – пообещал старик Киле, – большой будет...

Он погладил Карыся по русой голове, пожал руку отцу, и Серко весело побежал рысью, а солнце в это время скрылось за сопками, и весь путь домой еще был впереди.

4

Быстро сгущались сумерки, и из леса выходила ночь: все больше деревьев прятала она за собой и постепенно подбиралась к ходку, в котором сидел русоголовый мальчик с рыжим щенком под курткой. Карысь впервые встречал ночь в лесу, впервые видел, как знакомые деревья и кусты вдруг начали тесниться, сплетаться ветвями, соединяться, и, наконец, превратились во что-то темное, сплошное, страшное. И только высоко над лесом еще дрожал свет, но и он был странным, словно бы вовсе не свет, а лишь отражение его. Звуки как-то сами собой умерли, словно и они боялись подступающей ночи, и лишь глухие удары копыт лошади о дорогу теперь казались очень сильными и неосторожными.

Карысь затих и невольно подался к отцу. Смутное чувство опасности, которого он раньше никогда не испытывал, переполняло Карыся. И в эту самую минуту отец полусшепотом спросил:

– Карысь, видишь?

Вначале он ничего не увидел, но потом у самого леса, очень недалеко от них, вдруг разглядел какую-то непонятную фигуру. Он бы никогда не заметил ее, не отличил от леса, но эта фигура шевелилась. Она как-то странно кружилась на одном месте, приседала, подпрыгивала и походила чем-то на пьяного мужика. Но пляшущий мужик – это не страшно, а вот фигура была страшной: огромная, лохматая, неуклюжая, с непонятными движениями.

– Кто, кто это? – едва выговорил от страха Карысь.

– Медведь пляшет, – улыбнулся отец.

Карысь по голосу понял, что отец улыбнулся, но, странное дело, это его не успокоило, а еще больше перепугало. Он вдруг решил, что отец не понимает опасности, не знает, как это страшно, и, вцепившись в него обеими руками, умоляюще попросил:

– Скорее, папа, скорее! Он еще нас не видит... Скорее, папочка!

– Да ты что, Карысь, – удивился отец. – Да какой же это медведь! Ты посмотри хорошенько. Это дядя Трофим пласты дерет. Ты же видел, он сарай новый поставил, а крыши еще нет, вот он и дерет пласты себе на крышу.

– Поедем, папочка! – почти плача, умолял Карысь. – Ну погони же Серка, папочка, скорее!

– Да ты посмотри...

– Поедем, поедем, поедем!..

Карысь не хотел, Карысь боялся смотреть в сторону якобы Трофима, дерущего пласты. Мелкий озноб вдруг начал бить его. Он сжался в комочек и, словно щенок недавно под его куртку, полез к отцу на колени. Что-то поняв, отец сердито крикнул на Серка, дернул вожжи и крепко обнял Карыся.

– Ну, маленький, чего это ты? – обеспокоенно спросил отец. – Там же вовсе не медведь. Я просто пошутил. Вон, смотри, уже и огоньки деревни видно, и мамка нас теперь дома ждет: сидят с Верой за столом и ждут.

Карысь осторожно приподнял голову и посмотрел вперед. Там, еще далеко, но так призывно и так ласково горели огни его деревни, там были его дом, мать и сестра Вера, и он, вновь прижимаясь к отцу, впервые понял, как это хорошо – возвращаться домой...

А ночь величественно плыла над землей, наделяя все живое на ней каким-то новым и таинственным смыслом, даря людям страх и восторг, надежду и отчаяние, и мягко, шелковисто дул с юго-запада медвяный от запаха трав ветер.

Сандалии

1

Из города мама привезла Карысю новые сандалии. Были они желтые, с блестящими металлическими пряжками и дырочками на носках. Они даже пахли как-то по-особенному. Карысь поставил сандалии на пол и долго не решался сунуть в них ноги, а когда уже совсем было решился, его строго окликнула мама:

– Вначале надо ноги мыть, а потом сандалии надевать. Тем более – новые.

Карысь вздохнул и безропотно пошел за тазиком.

На улице ярко светило солнце, петух расхаживал по палисаднику, а куры купались в пыли и одним глазом смотрели на него. Карысь поставил таз на землю возле высокой бочки с водой, принес скамеечку и, забравшись на нее, зачерпнул ковшом. Ковш был большой, тяжелый, и Карысю пришлось доставать его из бочки двумя руками. Вода весело ударилась о дно таза, во все стороны полетели радужные брызги, вспыхивая и мерцая на солнце. Петух недовольно квохнул и покосился на Карыся красноватым глазом.

Карысь сел на скамеечку и опустил ноги в теплую воду. Было так тихо и хорошо на улице. Карысь думал, что если ноги долго-долго держать в воде, то они и сами отмоются, и мыла никакого не надо. Но он уже столько времени просидел, а вода была все еще чистая, а вот ноги – грязные, особенно на щиколотках.

Карысь потер ногу об ногу, потом наклонился и одним пальцем стал шоркать по щиколоткам. В это время из-за бочки вышел маленький рыжий щенок. Он приветливо вильнул хвостом, потянулся, припадая к земле на передних лапах, и зевнул, отчего стало видно, какие у него тонкие, острые зубы и розовый язык.

– Верный! – обрадовался Карысь. – Ах ты, Верный...

Он взял щенка и посадил к себе на колени. Щенок был теплый, легкий, и от него пахло овчиной. Карысь погладил его, почесал за ухом и отпустил на землю.

Потом, вытянув ноги над тазиком, Карысь смотрел, как с них падают капли и как быстро высыхают они под солнцем.

Сандалии были в самую пору: мягкие, важные, они как-то легко и быстро устроились на ногах, пальцы твердо уперлись в носки, и Карысю сразу же захотелось куда-то в них побежать.

– Ма-а, я погуляю?

– Хорошо. Только далеко не уходи.

– Не-е...

– Сандалии не жмут?

– Нет.

– Ну, беги.

Карысь вылетел на улицу, восхищенно косясь на новые сандалии, и на секунду задумался, решая, кому первому их показать. Так и не успев ничего решить, он вдруг сорвался с места и быстро затопал под горку, к речке, откуда доносились смутные ребячьи голоса. А здесь, на речке, он совсем забыл про сандалии, потому что все ребята были в воде, и там происходило что-то ужасно интересное: стоял визг, взлетали брызги и лишь на мгновение ясно промелькнула рыжая Витькина голова. Карысь, торопясь и путаясь, сорвал рубашку, не расстегивая пряжек, наступая на носки, снял сандалии и уже почти на бегу, приплясывая на одной ноге, выскок из штанишек. С криком, захлебываясь восторгом, речным воздухом и солнцем, бросился он в самую гущу ребятни. И сразу же его опрокинули, целые потоки воды обрушились на него,

забили рот, уши, нос, и он сам, отбиваясь, вспенивая реку руками и ногами, уже хлестал по ком-то упругими струями, так легко и сладко срывающимся с раскрытой ладони.

– Новенький голит! – раздался чей-то вопль, и тут же Карысь остался один, не сразу сообразив, что новенький – это он. И началась игра, в которой особенно ценились смелые обманчивые нырки и умение плавать под водой. Карысь нацелился и кинулся за Витькой, потому что догнать его считалось особенно тяжело. Но Витька... вот он только что был – и нет его. Карысь останавливается, растерянно смотрит на воду перед собой, а потом слышит Витькин крик у себя за спиной. Он бросается на голос, и совсем случайно натывается на Ваську. Все! Теперь голит Ваську, и срочно надо удирать.

2

Потом они лежали на песке, обжигаясь его прогретым жаром, и Витька вдруг предложил:

– Айда гнезда зорить!

– На базу?

– Не-а, – мотнул головой Витька, – сорочьи.

Сорочьи, это, значит, в лес.

– Айда! – обрадовался Васька. – Я в прошлый раз двенадцать штук назорил. Во!

– Во! – передразнил Витька. – Это когда было? А теперь там давно сорочата сидят.

– А Карыся мать заругает, если он пойдет, и нам достанется, – неожиданно сказал Васька, натягивая штаны.

– И вовсе нет, – Карысь нахмурился, враждебно глядя на Ваську. – Она меня хоть куда пускает.

– Да, пускает, а в прошлый раз?

На это Карысь не стал отвечать и лишь подумал, что Васька на их лодке ни в жизнь не покатается...

И тут же все заспешили, в штанишки еще кое-кто вскочил на месте, а рубашки надевали уже на ходу. Теперь вся штука заключалась в том, чтобы первому увидеть гнездо, первому забраться на дерево и первому запустить руку в сорочий домик. Первым увидеть гнездо Карысь был не прочь, даже очень желал этого, но вот на дерево залезть... Лучше было бы посмотреть, как полезет на дерево Васька.

И первым гнездо увидел Карысь. Оно было так близко, такое огромное, из сухих черных веточек, ловко пристроенных в развилке между большим сучком и стволом высокой березы. Береза стояла одиноко, в густых зарослях тальника, может быть поэтому никто из ребят не увидел ее: все смотрели на дальние колки, где гнезд всегда было много.

– Я первый, я первый! – закричал, запрыгал Карысь, показывая пальцем на березу. – Никто не видел, а я увидел. Я первый!

– Ладно, ты первый, – со вздохом согласился Витька. – Тогда полезай на березу.

– Зорить? – тихо спросил Карысь.

– А то... Давай, мы долго ждать не будем.

Карысь помялся и косолапо пошел к березе. Он обошел ее несколько раз, погладил ладошками и... полез.

До первого сучка оставалось руку протянуть, но тут нога в сандалии соскользнула, и Карысь медленно съехал вниз.

– Сними башмаки, – посоветовал Витька.

Карысь послушался и обрадованно почувствовал, что босиком карабкаться по березе легче. Вот уже и первый сучок, а дальше совсем просто – подтянуться, поставить ноги, еще раз подтянуться – и уже можно зорить. Но Карысь сначала посмотрел вниз. Ребята кружком сидели вокруг березы и, задрав головы, смотрели на него. Общее внимание ребят было приятно Карысю, и он еще посмотрел вокруг. Он увидел луг, пыльную дорогу, свою деревню у озера и само озеро в желтых камышах. Карысь хорошенько поискал и разглядел свой дом под красной жестяной крышей. И тут же он вспомнил маму, вспомнил отца, и ему захотелось домой. Но он сразу же забыл об этом, потому что из-за утеса вывернулся небольшой буксирный катер и, дымя во всю силу, пошел против течения, и минуло много времени, пока из-за утеса показалась баржа с лесом. Бревна отсюда, с высоты, казались маленькими, аккуратными и почему-то желтыми.

– Эй, Карысь, ты что, уснул там? – громко и нетерпеливо крикнул Витька.

Карысь вздохнул и запустил руку в гнездо. Там было пусто. Он нащупал мягкий пух на дне, гладкие стенки внутри, засохший птичий помет, но сорочат там не было. И хотя Карысю очень хотелось принести домой маленького сорочонка, а потом посмотреть, как он будет расти и начнет летать, широко разевая клюв от страха, Карысь обрадовался.

– Пусто! – закричал он, продолжая шарить в гнезде. – Пух есть, а больше никого нет.

– Ну и разиня, – почему-то рассердился Витька. – Пошли, робя, а он пусть там сидит...

Все поднялись и пошли дальше. Чего-то напугавшись, Карысь заспешил, юзом скатился с дерева и кинулся догонять ребят.

Однако и все остальные гнезда были пустые, и лишь однажды они нашли сухие скорлупки от сорочьего яйца.

Домой возвращались поздно и быстро, обиженные неудачей и зазря пропавшим днем. Все дулись на Карыся, словно он был во всем виноват. Тогда Карысь отстал и нарочно пошел один, вспоминая, как шли они с Васькой в лес и как ловко удрали от деда Плехеева...

3

Дома мама крутила сепаратор. Тонкой струйкой бежали в литровую банку сливки, машина уютно гудела, в дырочку для машинного масла капало молоко. Карысь сунул туда палец и облизал. Мама заругалась. Тогда Карысь вымыл ноги, попил молока с булочкой и потихоньку лег спать. Он уже начал плыть по какому-то неведомому ему пространству, быстро и неумело гребя руками, и впереди уже ослепительно сияло солнце, похожее на сорочье яйцо, когда мама вдруг затормошила его и строго спросила:

– А где твои сандалии?

Вначале Карысь улыбнулся и хотел сказать, что они стоят перед кроватью, там, где всегда стояли его ботинки, но потом вспомнил, что из леса домой шел босиком, и ему тут же захотелось крепко уснуть.

– Не знаю, – испуганно прошептал Карысь и зажмурил глаза.

– Он их потерял. Он босиком пришел, я видела, – тоже строго сказала Вера, собираясь спать и прежде укладывая свою куклу.

– Вера, тебя пока не спрашивают. Ты был в лесу?

– Ага, – теперь Карысь совсем проснулся и вспомнил, как стояли его сандалии под березой.

– Ты лазил на деревья?

– ...

– Ты, может быть, даже гнезда зорил?

– Нет, – честно сказал Карысь, – в гнезде никого не было.

И ему влетело. Больше всего – за гнездо. Мама подняла его и повела долгий разговор. Отец и Вера слушали, не вмешивались. Но когда мама сказала, чтобы Карысь собирался и шел сейчас же за сандалиями, отец вздохнул и вмешался. Он сказал матери и Карысю:

– Завтра утром мы съездим и найдем сандалии – никуда они не денутся.

Мама с упреком посмотрела на отца, Веру, Карыся и одна ушла спать...

Но сандалии куда-то делись. Их не было под первой березой и под остальными, на которые лазили ребята, – тоже. Их нигде не было, и получилось так, словно вообще никогда не было. Карысь вспомнил, какие они были желтенькие, из города, с блестящими металлическими пряжками и дырочками на носках, и заплакал. И чем дольше он плакал, тем лучше ему казались пропавшие сандалии.

– Ну что ты, Карысь, – удивился отец, – не плачь. На следующий год здесь десять пар сандалий вырастет. Мы весной приедем и все заберем. У тебя будет десять пар сандалий. Тебе на десять лет хватит. Договорились?

Карысь задумался и кивнул головой. Плакать он перестал.

4

Весну Карысь ожидал с нетерпением. И как только сошел снег, а вниз по реке проплыли последние льдины, он пошел в лес. Пошел один, никому ничего не сказав и оставив дома новые, купленные зимой, сандалии. Еще издали он приглядывался к голым веткам берез, думая, что сандалии можно увидеть издали. Но на ветках они не росли, не росли они и под березой. Тогда он сел на землю и крепко задумался.

– Их там нет, – сказал он дома отцу.

– Что такое? – не понял отец, собирая шприцы в черную сумку с красным крестом.

– Сандалии не выросли, – вздохнул Карысь, устав от размышлений.

Отец удивленно посмотрел на него, рассмеялся, потом легко подхватил и посадил к себе на колени.

Сказка

1

Лето было в разгаре, и Карысю не сиделось дома, где ему все время хотелось или спать, или плакать. И то и другое Карысю очень не нравилось, и в каждый удобный момент он норовил удрать на улицу. Но не так-то просто это было сделать, особенно когда у Верки начались каникулы, и она уже не ходила в школу.

– Вера, – сказала однажды мама, – тебе нужно больше заниматься с Сережей. Он растет совершенным дикарем, а через год ему идти в школу.

– А если он не хочет, – с готовностью пожаловалась Верка.

– Ну, мало ли что он хочет, – нахмурилась мама. – Ты старшая сестра, ученица второго класса.

Карысь, с жадным любопытством и тоской смотревший на улицу, насторожился и затаил дыхание. Он сразу же понял, что сейчас решается его судьба и решается не на день или два, а на все лето. И если это решение связано с Веркой...

– А как мне с ним заниматься? – в голосе Верки послышалось любопытство и готовность начать занятия хоть сейчас.

Карысь тяжело вздохнул и заерзал у окна, мучительно стараясь отдалить ответ матери. Он даже зажмурился – так ему хотелось, чтобы мама дольше не говорила, как с ним надо заниматься. Но ровным, спокойным голосом мама сказала:

– Почитай ему книжки. Сказки, например. Каждый день по одной сказке. А чтобы они закрепились у него в памяти, пусть он потом тебе их пересказывает.

– Как в школе? – Верке обязательно надо было знать все до конца.

– Примерно, – по голосу Карысь понял, что мама улыбнулась.

– Ладно, мама, – кажется, Верка начала искать сказки, и сердце у Карыся тоскливо заболело.

– Надо говорить не «ладно», а «хорошо», – поправила мама Веру, и в это время Карысь, окончательно потерявший надежду вырваться на речку, легонько всхлипнул. Он и сам не знал, как это у него получилось, но только солнечная улица, молоденькие яблони под окном, светло-белая полоска реки между дебаркадером и утесом вдруг показались ему до того недостижимыми, что слезы сами собой выкатились из глаз. Карысь всхлипнул раз, потом еще раз и еще, и каждый новый его всхлип был громче прежнего.

Когда из комнаты на кухню вышла мама, Карысь уже плакал не стесняясь, тяжело всхлипывая, шмыгая носом и утирая глаза кулаками.

– Что такое, Сережа? – удивилась мама, остановившись напротив Карыся. – Ты почему плачешь?

– Да-а... – Карысь отвернулся к окну, еще сильнее плача и жалея себя.

– Ну вот, – огорчилась мама, – это уже совсем не по-мужски.

– Да-а, – опять выдавил из себя Карысь, – а на речку не пускаете.

– Ну почему же не пускаем? – погладила она Карыся по русой голове и огорченно заметила: – Ты опять давно не стригся.

– А книжки читать? – Карысь чуть притих, осторожно высвобождая голову из-под материнной руки.

– И книжки читать надо, сынок, – мама села рядом, взяла его на колени, и Карысь, уткнувшись лицом в ее плечо, почувствовал покой и облегчение. – Ты хочешь в школу?

Карысь немного подумал, вспомнил, как скучно на улице, когда ребята в школе, и тихо сказал:

– Да.

– Ну вот. А для этого уже сейчас тебе надо учиться. Пока что – слушать.

– А на речку потом можно? – Карысь приободрился, слезы его моментально просохли, и он заерзал на маминых коленях.

– Потом – можно. Только с Верой.

Конечно, ходить с Веркой на речку не интересно, но уж лучше так, чем совсем не ходить. Это Карысь понял сразу и, окончательно успокоившись, нечаянно соскользнул с маминых колен.

2

– «...Стали жить-поживать да добра наживать», – закончила читать Верка и захлопнула книжку.

Они сидели за кухонным столом, задернув от солнца занавеску, и там, за занавеской, пока Верка читала сказку, все время жужжала муха. Иногда было слышно, как она стучается о стекло, сухо дребезжа крыльями. Сказка Карысю понравилась, только он никак не мог понять, как это мальчик вдруг стал козленком. В этом месте Карысь задумался и дальше уже почти ничего не слышал. Сколько он помнил и знал, никто еще в деревне в козлят не превращался, и Карысю очень захотелось быть первым.

– Теперь рассказывай, – Верка нахмурилась, как мама, и равнодушно посмотрела в потолок.

– Не буду, – вдруг категорически тряхнул головой Карысь.

Такого ответа Верка не ожидала и растерялась. Она непонимающе глянула на Карыся, поцарапала маленький нос и удивленно спросила:

– Почему?

– Там неправда, – теперь уже нахмурился Карысь, но нахмурился так, как это делал отец. – Так не бывает.

– Как? – выгоревшие на солнце Веркины брови поползли вверх.

– Люди козлятами не становятся, – Карысь подумал немного и уже менее решительно добавил: – У нас еще никто не стал.

– Это же сказка, – искренне удивилась Верка и вдруг спросила Карыся: – Это ты про себя подумал, да?

Карысь, почувствовав какой-то подвох в вопросе сестры, недовольно засопел, тоскливо глянул на улицу и вдруг выпалил:

– А мне Витька говорил про тебя.

– Что? – насторожилась Вера, машинально закрывая книжку.

– Говорил...

– Что говорил?

– Что ты ябеда и подлизываешься в школе.

Вера покраснела, открыла рот, но от возмущения ничего не смогла сказать. Карысь довольно засмеялся и поболтал ногами под столом.

– Твой Витька – двоечник, – наконец нашлась Вера. – Двоечник и хулиган... А ты зачем с ним дружишь? Тебе мама разрешила? Вот я спрошу ее сейчас...

3

Ровно через час Карысь наконец-то выбрался из дома, дав матери твердое обещание на речку не ходить. Конечно, ничего интересного на улице теперь не оставалось, но все равно интереснее, чем сидеть дома с Веркой.

– Верный, – позвал Карысь, подождал и еще раз позвал.

Но рыжего щенка нигде не было. Заглянув в собачью будку, где лежало лишь умятое Верным сено, Карысь вздохнул и побрел на огород. Здесь он постоял над морковной грядкой, потом присел на корточки, погладил ладонью шелковистую ботву и вырвал одну морковку. Очистив ее от земли, Карысь с огорчением убедился, что за два дня морковка почти не выросла, была все такой же тонкой и в волосках. Но он все-таки съел ее всю без остатка, пошоркал ботвою руки и пошел через огород на деревенские зады. Карысь медленно шел мимо картофельных грядок, и буйная картофельная ботва была ему почти по пояс.

Сестрица Аленушка Карысю не понравилась, потому что была похожа на Верку. А вот братец Иванушка... Иванушку Карысю было жаль.

Миновав огород, Карысь аккуратно закрыл калитку, обогнул большой черемуховый куст и вышел на зеленую лужайку. Здесь паслась единственная на всю деревню коза бабки Аксины. Коза была старая, лохматая, с длинной бородой и еще более длинными рогами. За черную шерсть звала ее бабка Аксиныя Ночкой. Имя это Карысю нравилось, а вот сама коза – нет. Большие желтые глаза, маленький хвостик, а особенно – задиристый характер Ночки симпатий в Карысе не вызывали. Он всегда с некоторой опаской проходил мимо нее, хотя и знал, что Ночка длинной веревкой привязана к колышку, который бабка Аксиныя дважды в день перебивала на новое место. Но случалось и так: Ночка как-то умудрялась выдрать колышек из земли и тогда сумасшедше носилась по деревне, а колышек весело поднимал пыль далеко

позади нее. В такие минуты ребятишки старались не показываться козе на глаза, прятались за плетнями и уж оттуда дразнили ее. Да что ребятишки, Карысь собственными глазами видел, как налетела Ночка на Баяна Киле, повалила его на дорогу возле магазина и, смешно потрясая бородой, победно заблеяла. Это уж потом дед Баян схватил ее за рога и, громко ругаясь, повел к бабке Аксинье. А в начале-то Ночка повалила его.

Выйдя на лужайку, Карысь увидел, что Ночка лежит в самом дальнем ее конце и спокойно жует жвачку. Длинная острая борода козы равномерно опускалась к земле и потом поднималась – издали Карысю показалось, что Ночка приветливо кивает ему головой. Он нечаянно тоже кивнул несколько раз, подошел ближе и только теперь заметил, что коза даже не смотрит в его сторону. Такое пренебрежение немного обидело Карыся. Тогда он, все время двигаясь на безопасном расстоянии, обошел Ночку и вопросительно уставился в ее желтые безбровые глаза. Ночка на секунду перестала жевать, мотнула головой, отгоняя назойливую муху, потом мельком глянула на Карыся и отвернулась. Ее темный круглый бок равномерно вздымался, на голой шее в такт жеванию напрягались и ослабевали какие-то жилы.

– Ноч-ка-а, – тихо позвал Карысь и опустил на траву.

Он сидел, поджав под себя ноги, как это делал дед Плехеев, и с усилием размышлял о том, что если это мальчик, превратившийся в козу, то почему коза такая старая? И разве у мальчиков бывают такие длинные рога? А уж бороды совсем не бывает.

Карысь долго размышлял обо всем этом, а потом его вдруг осенило. Он даже рот приоткрыл от удивления, так просто ему все показалось.

Карысь долго ползал по полянке на четвереньках в поисках следа от козьего копытца. Но всюду густо росла невысокая, жесткая трава, и никаких следов на ней не осталось. Карысь почти отчаялся, когда вдруг обнаружил у самой дорожки неглубокую сырую ямку, в которой трава почему-то не росла. Опустившись на колени, он с восторгом обнаружил в этой ямке глубокий козий след, с тоненьким гребешком земли посередине.

– Вот, – обрадованно вздохнул Карысь и торжественно посмотрел на далекие, притомленные от жары сопки. Там, над сопками, клубились темные тучи, в которые ударялись солнечные лучи и разбивались о них. Карысь быстренько вскочил на ноги и побежал домой. Легкий ветерок, потянувший со стороны сопки, трепал его длинно отросшие русые волосы. Выбившаяся из штанишек рубашка пузырилась за спиной.

Дома Карысь разыскал стеклянную литровую банку, зачерпнул из бочки дождевой воды, и, держа банку перед собой в вытянутых руках, заспешил назад.

4

Пока он бегал, Ночка поднялась и теперь мирно щипала траву под самым черемуховым кустом. Увидев Карыся, она вскинула голову и неторопливо направилась к нему, растягивая по полянке длинную веревку. Метрах в трех от ямки веревка у Ночки кончилась, и она остановилась, нервно вздергивая коротким хвостиком. Карысь помедлил и, лишь убедившись, что Ночке до ямки никак не дотянуться, сел на землю.

Он долго разглядывал круглый след в ямке, и с каждой минутой сердце Карыся стучало все сильнее. Коза, нетерпеливо дергая веревку, с недоумением смотрела на него. Наконец Карысь тяжело вздохнул и вылил почти половину банки воды в круглое углубление. Он внимательно смотрел, как тоненькие ручейки набежали в ямку и там, где был след от Ночкиного копытца, легонько закачалась беловатая вода, по которой плавали мелкие травинки. Карысь выловил травинки, потом лег на живот, потом зажмурился и шумно потянул воду в себя. Вода оказалась невкусной, теплой, но Карысь выцедил ее почти всю, открыл глаза и рукавом вытер рот. Выпрямившись и сев на колени, он стал внимательно рассматривать копытце, по бокам

и на дне которого радужно взблескивали последние капли. Потом он отошел от ямки и лег в траву, подперев голову руками.

Карысь размышлял. С восторженным испугом он думал о том, как сейчас, через минуту, превратится в козленка, и боялся пропустить момент этого превращения. Он решил, что когда станет козленком, обязательно поговорит с козой и узнает, кем она была раньше. О том, что будет дальше, Карысь не задумывался. Но проходили минуты, а ничего особенного Карысь не ощущал. Тогда он осторожно пощупал лоб – рогов еще не было. Даже маленьких шишечек, с которых начинаются рога, Карысь не нащупал. Такое явно затянувшееся превращение Карыся озадачило. Он еще немного подождал, то и дело шупая лоб, потом решил, что воду из банки надо выпить всю, без остатка.

Во второй раз вода показалась Карысю еще более невкусной, и он с трудом допил ее из копытца.

А между тем тучи, еще недавно едва видневшиеся над далекими сопками, теперь были совсем близко от села, и там, между этими тучами все еще вспыхивали бледно-голубые молнии, и нарастающий рокот тяжело плыл над землей. Ночка обеспокоенно закружилась вокруг колышка, путая веревку и сердито фыркая. Однако Карысь этого не замечал. Устав ждать и тревожиться, он прислонился головой к теплой земле, потом, поворочавшись, улегся удобнее и незаметно уснул. Приснился ему маленький козленок на тоненьких белых ножках. Вначале козленок и Карысь во сне существовали отдельно, но потом Карысь исчез и остался только козленок. Он бегал по полянке, и трава почему-то была ярко-красная, холодная, обжигающая тонкие копытца. Потом как-то сразу козленок оказался в речке. Вода была очень холодной, с шумом неслась мимо высоких берегов, и перепуганный козленок вдруг человеческим голосом громко закричал: «Ма-ма!..»

Карысь проснулся. Он сел и протер глаза кулаками – всюду лил дождь. Низкие темные тучи неслись над землей, и из них текла вода. Карысь огляделся и увидел, что Ночка стоит под черемуховым кустом и мелко-мелко дрожит. Вымокнув, она стала маленькой и совсем не страшной. Вскочив, он побежал к колышку и долго раскачивал его, не в силах выдернуть сразу. За работой он не заметил, как Ночка подошла к нему, и, только почувствовав легкое прикосновение, оглянулся. Ночка стояла рядом и нетерпеливо подталкивала его головой. Карысь погладил мокрую Ночкину голову, и в это время в небе так бабахнуло, что он присел, зажимая ладошками уши. Потом опять схватился за колышек и потянул изо всех сил.

Вырвав колышек, Карысь еще раз погладил Ночку, и они вместе припустили домой. О том, что он так и не стал козленком, Карысь уже забыл.

Чалка

1

Первого сентября все ребята ушли в школу, и Карысь остался один. Правда, не совсем один, были еще его сверстники: Колька Корнилов, Настька Лукина, Петька Паньшин, но, как полагал Карысь, они в счет не шли. Разве могли они сравниться с Витькой Зориным или Васькой Хрущевым? Нет, сравниться они с ними никак не могли, и потому с первого сентября Карысь остался один.

А уже подступала пора, когда листья, устав висеть на деревьях, начали плавно кружиться в воздухе, и падать на землю, и легонько шуршать под ногами. И уже на озере, которое когда-то было Амуром, а теперь отделилось от него и стало большим озером с густым камышом вдоль берега, все чаще собирались в шумные стаи дикие утки, и отец по вечерам начал заряжать желтые патроны. Но особенно странное что-то творилось в тайге. Вначале по склонам сопок оделись в ярко-красный наряд осины. Потом этот огненный цвет начал спускаться ниже, и однажды утром, когда Карысь выбежал в огород, он буквально онемел: по всей тайге занялись густо-красные, ярко-желтые и просто красные, желтые, оранжевые факелы. Среди сочной зеленой хвои эти факелы особенно бросались в глаза, и Карысю казалось, что какой-то невидимый волшебник раскрасил ночью деревья, как разукрашивают елку на Новый год. С восторгом и удивлением смотрел он на изменившуюся тайгу, на реку, в которой уже нельзя было купаться и над которой высоко в небе пролетали стаи неизвестных Карысю птиц. Тревога и любопытство перед жизнью неведомой, но удивительно интересной, охватили Карыся.

Он повертел головой, соображая, что бы такое сделать, как вдруг увидел, что дед Плехеев выгоняет из конюшни лошадей. И еще ни о чем не успев подумать, Карысь уже бежал через огород к конюшне.

Вначале дед Плехеев, заворачивая лошадей к водопою, совсем не заметил Карыся. Но потом, когда Карысь взял прутик и начал помогать ему, бегая вокруг небольшого табунка коней, дед Плехеев, сидевший верхом на большой лошади, звали которую Чалка, весело сказал:

– Здорово, Карысь! Помогать пришел?

– Да, – сдержанно ответил Карысь, глядя на деда снизу вверх.

– Это хорошо. А то, вишь, никак я тут один не управлюсь.

Дед Плехеев ткнул Чалку в бока ногами, дернул повод и нешибко поскакал заворачивать отбившуюся от табуна Лельку, молодую и норовистую лошадь, за которой бегал маленький рыжий жеребенок по имени Перстень. Отец говорил, что его так называли за белую полоску на задней ноге. Карысь присмотрелся и действительно увидел на рыжей ноге жеребенка узкую белую полоску. Он обрадовался этой полоске и побежал к Перстню, ласково прося его подождать.

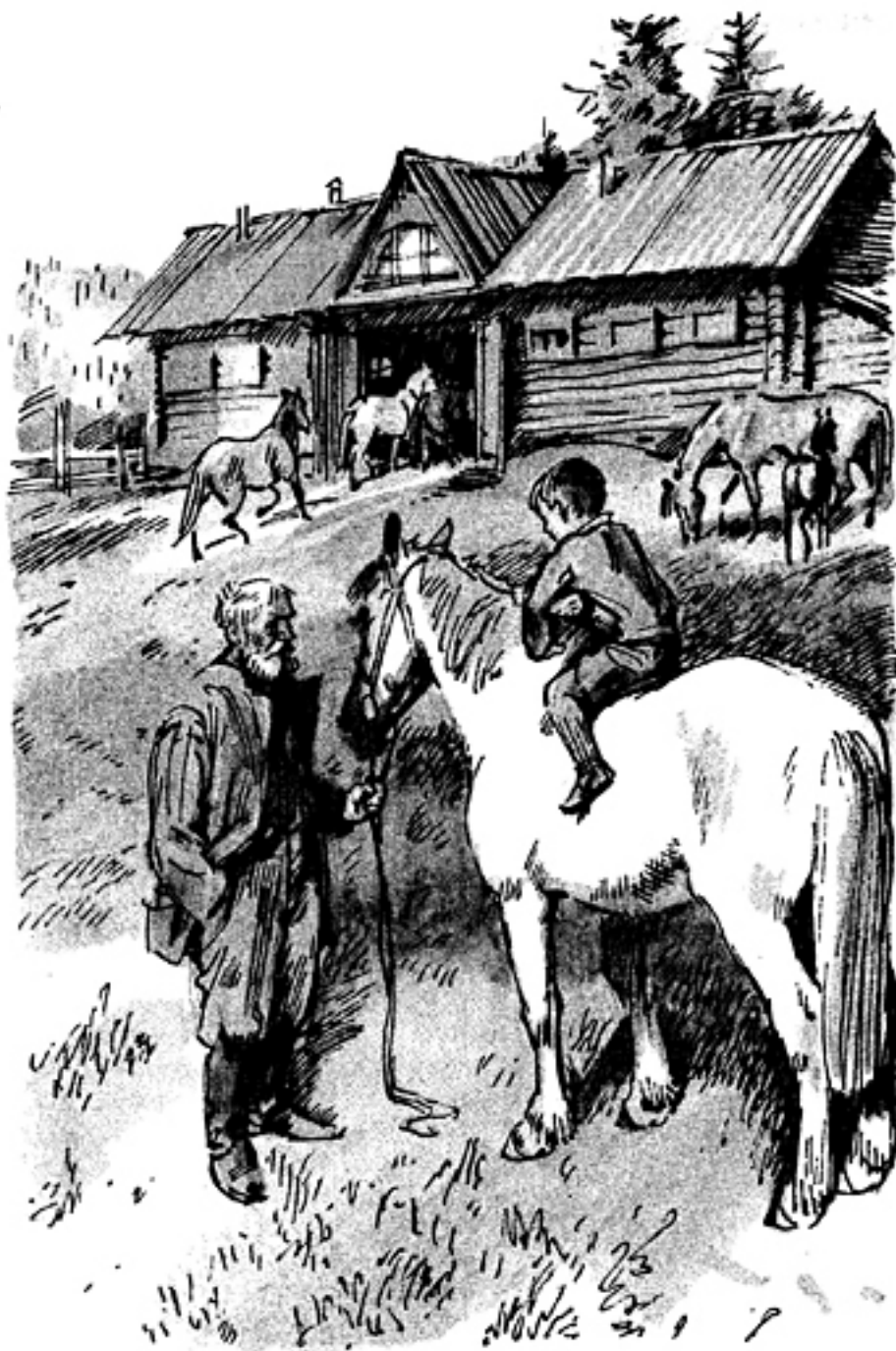
– Перстень, Пе-е-рстень, – звал Карысь, но жеребенок проворно перебирал длинными ногами и не хотел отставать от матери.

Обиженно поджав губы, Карысь сбавил прыть, а потом и совсем остановился. Он стоял на бугорке и смотрел, как спускаются лошади к воде, как все быстрее они бегут, толкая друг друга круглыми боками, и как среди них совсем потерялся Перстень.

– И вовсе не красивый, – презрительно сказал Карысь, – весь рыжий, как Витька.

Он сел на бугорке и стал наблюдать, как шумно вбежали лошади в реку, как резко они там остановились и дружно опустили головы, отчего по воде побежало столько кружочков, сколько было лошадей. А рыжий жеребенок, не захотев пить воду, уткнулся матери под живот и радостно замахал коротким пушистым хвостом.

Чалка тоже пила, и дед Плехеев, опустив повод, достал портсигар с тремя богатырями и закурил. Было хорошо видно, как поднимается над ним синяя струйка дыма и пропадает в прозрачном воздухе. Потом дед Плехеев закашлялся, и Чалка подняла голову, оглянулась на него и опять принялась пить, громко фыркая в воду.

2

Назад лошади возвращались потихоньку, и даже Лелька спокойно шла в середине табуна рядом со своим рыжим Перстнем. Лошади проходили мимо Карыся и легонько косились на него, а некоторые останавливались, удивленно смотрели и, тряхнув головой, шли дальше.

Отчего-то Карысь загрустил и, подобрав прутик, стал ковырять землю.

– Ну, помощник, прокатиться хочешь? – неожиданно услышал он голос деда Плехеева и, подняв голову, еще ничего не понимая, с удивлением спросил:

– Кто, я?

– Ну а кто же еще у меня помощник? – дед Плехеев лукаво улыбнулся.

Карысь хорошо помнил коварство деда, который не утерпел и рассказал матери о том, что они с Васькой ходили в дальний лес, к тем далеким сопкам, куда, петляя и извиваясь, убегает манящая за собой дорога, и потому осторожно спросил:

– А мне можно?

– А почему же нельзя? Ты уже вон какой большой. Чай, на следующий год в школу пойдешь, а?

– Пойду, – Карысь начал волноваться и тяжело дышать.

– Ну вот. Так что сидай на Чалку. Это тебе тоже ученьем будет.

Карысь мгновенно вскочил с земли и, чтобы показаться деду Плехееву еще выше, подтянулся, почти на цыпочки встал, тревожно и радостно косясь на Чалку.

– Ну, гоп! – Дед Плехеев подхватил Карыся под мышки, легко оторвал от земли, кинул вверх, и уже в следующее мгновение тот сидел верхом на лошади. По спине Чалки пробежали морщинки, как это бывает на воде, когда легким порывом промчится ветер, потом она стриганула острыми ушами и вопросительно покосилась на деда.

– Держись, Карысь! Голова-то не кружится?

Карысь замотал головой, потому что дыхание у него перехватило, сердце подобралось к самому горлу и стало трудно глотать. Он никогда не думал, что с лошади земля бывает так далеко, что у деда Плехеева совсем нет волос на макушке, а у Чалки теплая спина.

Дед Плехеев пошел вперед и потянул лошадь за повод. Чалка тряхнула головой и тоже пошла, легонько покачиваясь под Карысем. Вцепившись обеими руками в гриву, крепко сжав ноги вокруг круглых боков, Карысь почти ничего не видел и не слышал, и жил только одной-единственной мыслью – как бы не упасть, для чего ему приходилось делать немалые усилия. Чалка была лошадь широкой кости, к тому же справной, имела хоть и плавный, но укачистый ход, и Карысю, сидевшему на ее спине как на столе, удерживать себя в вертикальном положении было нелегко. Покачиваться в такт лошадиного шага он не умел, да и не догадывался об этом, и сидел на Чалкиной спине старательно прямо, боясь оторвать взгляд от ее постояннодвигающихся ушей.

Постепенно Карысь хоть и не освоился, но немного привык к своему рискованному положению и дважды отважился оглядеться. Многие предметы, на которые раньше приходилось смотреть, задрвав голову, теперь оказались значительно ниже его и выглядели совсем по-другому. Ну вот, например, дед Плехеев. Если раньше он казался недосыгаемо высоким и сильным, как все мужчины, то сейчас Карысь видел, что дед узок в плечах, сутул, что шея у него сзади красная и морщинистая, а вокруг макушки волосы стоят дыборком. Или вот молоканка, мимо которой проезжал теперь Карысь. Совсем низенькая – он даже смог увидеть на ее крыше проржавевший бидон, обруч от колеса и маленькие кустики полыни, проросшие из пластов. На все это Карысь смотрел с удивлением, однако же, не забывая цепко держаться за гриву и стискивать ногами теплые Чалкины бока.

3

– Нравится? – дед Плехеев оглянулся и сильно сощурился, потому что за спиной у Карыся было огромное белое солнце, лишь недавно оторвавшееся от сопок и теперь спокойно катившееся по синему небу.

– Да! – Карысь засмеялся, влюбленно глядя на деда.

– А сам проехать не забоишься?

Карысю показалось, что дед лукаво посмотрел на него.

– Н-нет, – не очень уверенно ответил Карысь, крепче хватаясь за гриву, – н-не забоюсь.

– Тогда держи, – дед Плехеев остановился и протянул ему повод.

Карысь замешкался, не решаясь вот так сразу отпустить надежную гриву и взять узенький ремешок повода, в котором не было решительно никакой прочности.

– Да ты смелее, Карысь! – подбодрил дед Плехеев. – И не сиди на лошади как кол, торчмя, а на спину немного откинись, на спину. Вот так вот, во, а ногами-то и цепляйся за ее бока. Ну, поехал. Но, Чалка!

И Чалка пошла, и теперь уже никого не было рядом, а только Чалка и он, Карысь, испуганный и счастливый. Лошади уже подходили к открытым воротам конюшни, где их ждал после водопоя привычный корм и свое стойло, а потому перед самыми воротами они не выдержали, пустились рысью, и первой, конечно же, Лелька. Чалка ничем не отличалась от лошадей, а потому тоже прибавила шаг, очень скоро перешедший в мелкую тряскую рысцу. Карысь, не ожидавший такого подвоха, в первый же момент едва не свалился с лошади и, сразу забыв про все советы деда Плехеева, вновь вцепился в гриву, бессильно подсакивая на широкой Чалкиной спине. Он чувствовал, что постепенно съезжает набок, но ничего не мог с этим сделать и потому покорно закрыл глаза.

Карысь не запомнил той секунда, когда совершил первый в своей жизни полет – с лошади на землю. Полет этот был мгновенным, беспамятным, и когда он открыл глаза, все уже осталось позади: и полет, и удар о землю, и несколько кувырков через голову... Когда Карысь открыл глаза, он увидел над собой круглый живот Чалки. Живот был почти без шерсти, огромный, весь перепутанный толстыми венами и сухожилиями, и почему-то показался Карысю похожим на бочку, в которой дома солили на зиму помидоры и огурцы. Вот только железных обручей не было.

– Живой, Карысь? – подбежал испуганный дед Плехеев, склоняясь над ним.

Карысь подумал, с удивлением понял, что и в самом деле живой, засмеялся и счастливо ответил:

– Ага.

– Слава богу, – радостно улыбнулся дед Плехеев, – а то ведь напужал меня. Рухнул и лежишь. Ну, думаю, за такое дело Виктор Федорович с меня живого шкуру сдерет. Однако вставай, паря...

Карысь неохотно выбрался из-под лошади, пошоркал ладошкой запачканные колени, поднял голову и... с ужасом увидел Настьку Лукину. Она стояла возле молоканки, и презрительно смотрела на Карыся из-под длинной черной челочки. Карысь давно заметил, что всех людей любить нельзя, но вот Настьку – в первую очередь. Она всегда умудрялась появляться именно в тот момент, когда Карысю хотелось побыть одному. Конечно, теперь и думать было нечего о том, что никто не узнает о его падении. Оставалось только одно – презирать Настьку, и Карысь небрежно отвернулся.

4

Когда все лошади забежали в конюшню и дед Плехеев развел их по стойлам, Карысь пошел еще раз посмотреть на Чалку. Теперь, после езды верхом, и особенно после падения, она была для Карыся самой главной лошадью на земле. Самой сильной и хорошей лошадью.

Чалка, опустив голову в ясли, аппетитно хрумкала овсом, изредка переступая передними ногами с широкими серыми копытами. Карысь, словно впервые увидев ее, с уважением решил, что это очень высокая и очень смелая лошадь. И что никто из ребят, разве что Витька, не смог бы проехать на ней верхом. Он подобрался поближе к яслям и, просунув руку между жердями, тихонько погладил Чалку по шее.

– Мы еще будем кататься? – спросил он шепотом и забрался рукой под гриву, где было тепло и немного потно. – Я уже больше не упаду, – пообещал Карысь и с уважением посмотрел на широкую Чалкину спину, где совсем недавно сидел верхом.

Дед Плехеев чинил хомут в кладовой. Здесь было темновато, сильно пахло кожей и варом, который большим куском лежал под верстаком.

– Дедушка, я домой пошел, – сообщил Карысь.

– В добрый час. Спасибо, помог мне, – дед отложил хомут и принялся разматывать дратву и натирать ее варом.

– До свидания.

– Будь здоров.

Карысь медлил, топтался в дверях, а потом спросил:

– Мы еще поедem верхом?

Дед Плехеев с любопытством посмотрел на него из-под седых бровей, улыбнулся, отчего лицо его стало совсем старым и морщинистым, ответил:

– А как же, Карысь. Обязательно поедem. Приходи...

Карысь выбежал из конюшни, и его ослепило огромное солнце, которое было теперь в самой середине неба. Дальняя тайга, наполнившись его светом, жарко пылала яркими красками. Амур издаleка казался светло-синим, холодным и манящим. Воздух был чист и прозрачен, и далеко окрест виделось человеческому глазу. Это был один из тех редких дней, которые запоминаются надолго, который всплывет вдруг в памяти через много-много лет с самыми мельчайшими подробностями и грустью отзовется в человеке.

Но Карысь, весело бежавший к дому, еще не знает об этом.

Большие серебристые рыбы

1

Карысь давно и беспокойно топтался на дебаркадере. Он уже все здесь изучил наизусть, он уже дважды хотел убежать, но в самый последний момент ему казалось – сейчас придут. И дважды никто не пришел. Размеренно покачивался катер на мелкой волне, терся обшивкой о дебаркадер, и ни одной души не было на его палубе. Карысь затосковал и собрался уходить в третий раз, но в это время показались они.

Впереди всех шел дядя Володя Басов. Шел он в больших резиновых сапогах, большой брезентовой куртке нараспашку, весело сдвинув на затылок фуражку с крабом. Шел он широко и вольно, и за ним едва поспевали Николашка Музин и Мефодий Иванович. Николашка тоже был в резиновых сапогах и брезентовой куртке, но... никакого сравнения. У него даже веснушки на носу еще росли.

Наступила главная минута, ради которой Карысь все утро прождал на дебаркадере. Он потихоньку расстегнул две пуговики на рубашке, сильно вздохнул и, не выпуская воздух, встал перед Басовым.

Но дядя Володя Басов, в больших резиновых сапогах, в большой брезентовой куртке, прошел мимо Карыся, словно бы вовсе не заметил его.

Тогда Карысь забежал вперед и снова встал перед Басовым.

– Фу, – вздохнул дядя Володя, – сколько тут народу понабралось – не пройдешь.

Карысь испуганно оглянулся, но никого не было на дебаркадере, и тогда он тоскливо сказал:

– Возьми меня на катер.

– Ну? – удивился дядя Володя. – А штаны-то запасные есть?

– Зачем? – искренне удивился Карысь, сильно поднимая голову вверх, чтобы увидеть лицо дяди Володи.

– Без штанов не возьму, – он вновь обошел Карыся, ловко прыгнул на палубу катера и скрылся в рубке, даже не оглянувшись и ничего больше не сказав.

– Не горюй, Карысь, – Николашка не больно щелкнул его по макушке, – дома в корыте поплаваешь.

Карысь увернулся от второго щелчка и сердито сообщил Николашке:

– Вот мы скоро лодку купим.

Казалось, все пропало, и Карысь уже часто задышал от обиды, изо всех сил удерживая слезы, когда перед ним остановился Мефодий Иванович.

– Здорово, Карысь, – с уважением сказал он.

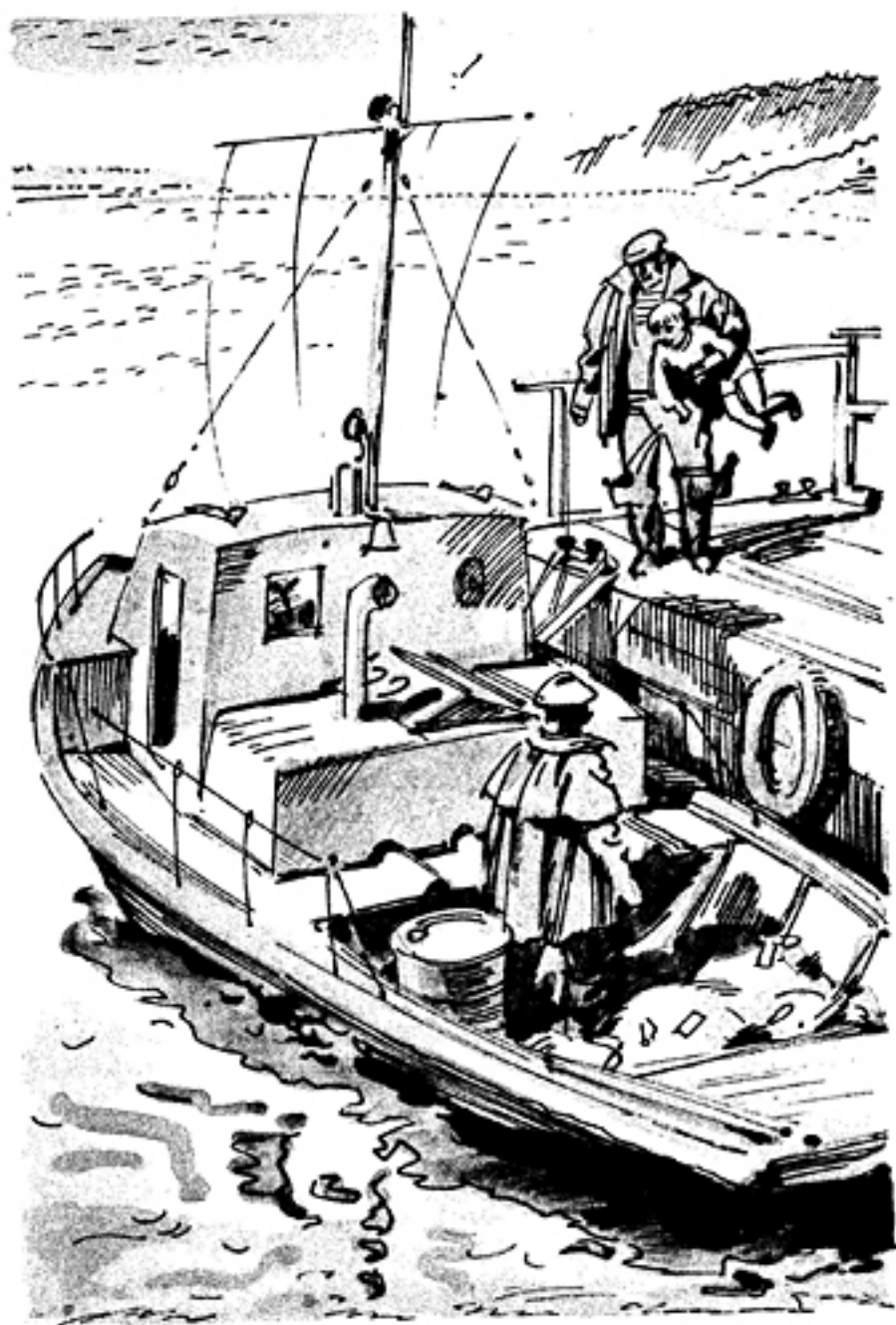
– Здорово, – Карысь отвернулся.

– На катер хочешь?

– Хочу, – вздохнул Карысь и тоскливо посмотрел на катер.

– А дома че скажут?

– Мы скоро лодку купим, – опять было начал Карысь, но Мефодий Иванович неожиданно ловко взял его поперек пояса, и уже через секунду Карысь стоял на теплой, мелко вздрагивающей палубе катера, с восторгом и благодарностью глядя на Мефодия Ивановича.

2

Плавно и торжественно разворачивалась деревушка Карыся за бортом. Впервые она открылась ему с широкого простора Амура и впервые проплыла мимо него, как раньше проплывала вода. Каждый дом и каждая сараюшка хорошо просматривались отсюда, а особенно – дом Карыся. Был он большой, красивый, уютный – самый лучший в деревне. Но вскоре последний дом мелькнул в черемуховых зарослях, и потянулась вдоль берега желто-оранжевая марь, потом мелкий березнячок, и наконец появились за бортом синие сопки.

Мефодий Иванович и Карысь сидели на крыше машинного отделения, и Карысь впервые ощущал, как могуче и равномерно бьется под ним жизнь совершенно неведомого существа –

машины. Но еще сильнее ему хотелось посмотреть, как управляют этой машиной и как поворачивают такой большой катер.

Мелкие волны равномерно и бесконечно катились по Амуру, мягко ударялись о катер и выныривали с другой стороны. За кормой вода бурлила и пенилась, и множество пузырьков взбухало на ее поверхности.

– Здесь глубоко? – спросил Карысь Мефодия Ивановича.

– Глубоко, – Мефодий Иванович курил и смотрел на пробегающие за бортом сопки.

– С макушкой?

– Пожалуй, с тремя.

– У-у-у, – восхищенно протянул Карысь.

Помолчали. У Карыся было много вопросов, но он робел. Он уже знал, что взрослые не очень-то любят, когда их спрашивают.

– Мефодий Иванович, – выскочил из рубки Николашка, – тебя капитан кличет.

– Чего он?

– Не знаю.

Мефодий Иванович неохотно поднялся, плюнул на папиросу и выбросил ее за борт.

– Пошли, Карысь.

В рубке было чисто и строго. Дядя Володя Басов стоял возле рогатого колеса и что-то записывал в тетрадь.

– А, Карысь, – он не удивился и не заругался, чего очень боялся Карысь, а тронул его большой рукой по голове и непонятно спросил: – Поштурвалить хочешь?

Карысь не знал, что такое «поштурвалить», но на всякий случай кивнул головой и тяжело сглотнул набежавшую слюну.

– Ну, тогда держи, – Басов легко поднял Карыся и поставил у рогатого колеса. – Да ты, брат, ничего не видишь. Что же ты так плохо растешь?

Действительно, до окон Карысь мог дотянуться разве рукой, и то лишь приподнявшись на цыпочки. Обида и стыд, что он такой маленький, переполнили Карыся, но тут Мефодий Иванович сказал:

– Ничего, он еще нас с тобой обгонит. Вишь, боевой какой, так и вцепился в штурвал. Теперь краном не оторвешь. Чего звал-то?

– Да тут такое дело, Мефодий Иванович...

Карысь не дышал. Стиснув зубы, он крепко держал штурвал, изо всех сил стараясь, чтобы он ни в какую сторону не шелохнулся. О чем угодно мог мечтать Карысь, но чтобы на катере, у штурвала! От напряжения и взволнованности Карысь даже вспотел. Он уже теперь представлял, как расскажет ребятам об этом, и как они не поверят, и как он презрительно скажет им: «Если хотите, спрашивайте у дяди Володи, а только я катер сам вел». И как они все удивятся и будут завидовать ему, и Витька, наверное, сразу полезет дружить. Ведь Витька катером никогда не правил, а вот он, Карысь, правит, и хоть бы что.

Однако постепенно Карысю становится не «хоть бы что». Руки, поднятые высоко вверх, начали затекать и наливаясь такой тяжестью, какой ему испытывать еще не доводилось. Потом начали болеть не только руки, а и плечи, и спина, а еще через некоторое время Карысь заметил, что у него мелко трясутся ноги. И в это время дядя Володя, закончив разговор с Мефодием Ивановичем, встревоженно сказал:

– Ого, брат Карысь, да мы этак на косу вылетим. А ну, пусти-ка.

И Карысь с облегчением отпустил штурвал. К его удивлению дядя Володя совсем не сильно толкнул штурвал, и он быстро закрутился, и в глазах зарябило от мелькания его рожков.

– Ну как, Карысь, понравилось штурвалить? – спросил Мефодий Иванович.

– Понравилось, – одними губами ответил Карысь.

3

– Ешь, ешь, Карысь, дома-то этакой ушицы не отведаешь, – потчевала Карыся бабка Акси́нья.

– Горячая.

– А как же. Уха горячая – рыбак с удачею. Ты дунь да сплюнь, корочку обрежь да потихоньку съешь.

Сидит Карысь за высоким столом на рыбацком стане. Стол врыт ногами в землю, скамеечки вокруг него тоже. Стол и скамейки – на улице. Можно есть и смотреть, как загружают рыбаки плашкоут большими серебристыми рыбами, посыпая их сверху мелко наколотым льдом. Много лодок стоит под берегом. На кольях, вбитых в песок, сушатся длинные сети. Все здесь, на стане, необычно и удивительно Карысю. Избушки, почти по самую крышу врытые в землю, лабазы, огромный черный котел, тяжело покачивающийся над костром, ледник, тщательно укрытый взопревшей соломой, да и сами рыбаки. Даже бабка Акси́нья была здесь совсем не такой, как дома. Она суетилась у котла, приветливо смотрела на Карыся и подкладывала, подкладывала ему рыбные кусочки в алюминиевую миску. Карысь боялся обидеть бабу Акси́нью и потому долго и терпеливо ел. Но вот этот, последний кусочек, он уже съесть никак не мог.

– Бабушка, не хочу, – умоляюще сказал Карысь.

– Вот и ладно, – неожиданно легко согласилась бабка Акси́нья. – Поел пострел – и нету дел. А ну, помоги-ка мне снести посуду на берег.

Посуды много, полон эмалированный таз кружек, мисок и ложек, да еще в ведерке с верхом наворочено. Карысь берет ведерко и, припадая на правую ногу, волочит его к воде. Здесь он по примеру бабки Акси́ньи опрокидывает ведерко, и кружки, миски раскатываются по песку, взблескивая надраенными донышками на солнце. Бабка Акси́нья подтыкает подол длинной юбки и бредет в воду. Набрал таз воды, она садится на травянистую кочку, макает тряпку в песок и начинает жестко шоркать первую миску. Мимо проходит Мефодий Иванович. Он улыбнулся Карысю и спросил:

– Помогаете?

– А как же, – ответила за Карыся бабка Акси́нья, – помогает понемножку: из чашки да в ложку.

– Это хорошо, – кивнул Мефодий Иванович.

Карысь не возражал, но ему хотелось поближе к рыбакам, и он несмело спросил:

– А мне с тобой можно?

– Эт-то куда еще? – удивился Мефодий Иванович.

– Рыбалить...

– Дак рыбу начисто перепужаешь, – вмешалась в мужской разговор бабка Акси́нья. – Она, рыба-то, завидев тебя, чертоломом в море-окиян рухнет. Ты уж, Карысь, будь ласка, подле меня повернись.

Но Мефодий Иванович протянул руку, и Карысь, залившись счастливым смехом, бросился к этой руке.

Они шли по песчаной косе к плашкоуту, и волны, лениво набегаая на песок, облизывали их следы.

– Ты с Настькой-то не дерешься? – спросил Мефодий Иванович.

– Не-е...

– А с лошади-то как звягнулся?

– ...

– Не убился?

- Там травка была.
- Повезло.

При всем уважении к Мефодию Ивановичу Карысь твердо решил отомстить Настьке за то, что она рассказала отцу про его падение с Чалки.

Но вот уже плашкоут и рыбаки на нем. С Амура подходят и подходят лодки с громадными серебристыми рыбами. В брезентовых робах, высоких резиновых сапогах, рыбаки шутят и смеются. Они легко поднимают сразу по две рыбины и перебрасывают их через борт плашкоута. И рыбины, жарко взблескивая на солнце, тяжело падают на палубу, брызгая во все стороны серебристой чешуей. Карысь смотрит, смотрит и постепенно начинает жалеть этих рыб, жадно хватаящих воздух широко открытым ртом. Он тихонько взбирается по шаткому трапу на плашкоут и, пораженный, замирает: великое множество рыб лежит на палубе плашкоута. Они плавают друг по другу, вяло бьют хвостами. От их движения в воздухе какой-то неясный шорох – стон ли, вздох. Неожиданно рядом с Карысем одна из рыб высоко подпрыгнула и чуть не вывалилась через низкий борт плашкоута. Она упала, подергалась, затихла и начала медленно уходить вниз. Вначале исчезла голова, потом треугольные плавники, и, когда наверху остался только хвост, Карысь схватился за этот хвост и потянул его на себя. Он думал, что будет тяжело, но рыбина легко и мягко всплыла над другими рыбинами и часто захлопала крышками жабер.

– Тебе больно? – тихо спросил Карысь и ладошкой погладил рыбу, ощущая холод и жизнь под рукой.

Но рыба не шевелилась и не отвечала Карысю. Тогда он взял ее обеими руками, перетянул через борт и головой вниз осторожно выпустил в воду. До воды было метр, не больше, но рыбина успела два раза перевернуться и упала боком, сильно всплеснув набежавшую волну. Она на мгновение скрылась, а потом всплыла вверх серебристым брюшком. Волны мягко покачивали ее и потихоньку относили вдоль корпуса плашкоута. Карысь шел следом и видел, как рыбина начала мелко шевелить плавниками, потом хвостом, и так, вверх брюшком, вдруг поплыла от плашкоута. Он счастливо посмотрел ей вслед и взялся за хвост следующей рыбины. Эта была совсем живая, и едва Карысь склонился над водой, как она легко выскользнула у него из рук и мгновенно скрылась в глубине. Карысь посмотрел на пустые руки и радостно засмеялся.

На пятой или шестой рыбине его поймал Мефодий Иванович. Он удивленно уставился на Карыся, потом на воду, где только что исчезла очередная рыбина, и восхищенно изумился:

– Вот это рыбак! Ай да Карысь! Утешил... Че делаешь-то, оголец?!

Карысь внимательно посмотрел на руки, облепленные рыбьей чешуей, спрятал их за спину и тихо сказал:

- Им больно.
- Кому? – Мефодий Иванович еще раз с сожалением глянул на воду.
- Рыбам.
- Так ты много выпустил-то?

Карысь растопырил пальцы и вытянул одну руку вперед.

- Пять штук?
- Ага... Они холодные и дышат.

– Так тебе уши сейчас драть или погодить маненько? – серьезно спросил Мефодий Иванович.

– Погодить, – тяжело вздохнул Карысь и тихо потопал на берег.

4

К вечеру разыгрался ветер и погнал по Амуру пенные барашки на гребнях высоких волн. Отбуксировав плашкоут на рыбобазу, катер спешил к дебаркадеру, тяжело зарываясь носом и шатко переваливаясь с борта на борт. Множество брызг взлетали над палубой, ударялись о стекла рубки и частыми ручейками стекали на обшивку. Карысь, недавно проснувшийся, сидел на высоком ящике и смотрел между текущих ручейков на приближающийся дебаркадер, на свою родную деревушку. Ему казалось, что прошло много-много времени с тех пор, как он уплыл на катере, что в деревне все изменилось, стало больше и лучше. Но все оставалось прежним, и он было задумался об этом, но тут вспомнил о рыбах на плашкоуте, оглянулся и увидел в окно, что плашкоута на буксире нет.

– Дядя Володя, – подергал Карысь капитана за рукав, – а рыбы где?

– Выгрузили.

– Выпустили?

– Куда?

– В воду...

– Зачем? – Дядя Володя удивленно посмотрел на Карыся.

– Чтобы они плавали, – смущенно ответил Карысь.

– Нет, брат Карысь, они свое отплавали. Теперь их уже всю потрошат. Ты жареную рыбу любишь?

Карысь нахмурился, подвинулся в угол и тихо сказал:

– Нет.

В Озерных Ключах, в родной деревеньке Карыся, зажигались в домах первые огни.

Перстень

1

Утром Карысь бежал в конюшню. Он торопился и ничего вокруг не замечал. Карысь очень хотел повидаться с Перстнем и, если получится, помочь ему. Вчера вечером отец сказал, что Перстень, маленький жеребенок с белой полоской на задней ноге, сильно заболел, и он никак не может ему помочь. Карысь, слышавший все это уже из постели, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.